

М.И. Люхуздаев
Ноябрьск

ОПЫТ ОПОЗИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ МЕНЗЕЛИНСКОГО УЕЗДА УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1918 – 1920 ГГ.)

Одним из актуальных и малоизученных вопросов истории Урала, на наш взгляд, является деятельность оппозиции в период становления и укрепления советской власти в крае. Несмотря на наличие публикаций, посвященных данной теме, на региональном уровне работа многих организаций, в том числе и левых эсеров, по-прежнему остается слабо исследованной [1]. В данной работе сделана попытка показать оппозиционную борьбу левых эсеров в Мензелинском уезде Уфимской губернии, которые дольше всех в регионе противодействовали большевикам, сохраняя влияние среди крестьянства.

Лидер Мензелинской организации левых эсеров Н.Б. Гаврилов состоял в ПСР с 1901 г. (с 1917 г. - в ПЛСР), привлекался по политическим делам, бежал в Сибирь и затем 3,5 года скрывался. С декабря 1917 г. он занимал пост наркома земледелия при уездном Совете крестьянских депутатов, а с 18 января 1918 г. - в объединенном уездном исполкоме Мензелинска, был делегатом 2, 3, 5 Всероссийских съездов советов. Лезоэсеровские делегаты Мензелинского уезда по сравнению с другими организациями ПЛСР Урала количественно преобладали на 2-м и 5-м Всероссийских съездах советов. Если в работе 2-го съезда участвовали 4 левых эсера (Н.Б. Гаврилов, П.П. Санников, М.Н. Шашмашов, Ш.Ш. Курбангалин), то на 5-м съезде их было 6 (С.Я. Курылев, Ш.А. Хамидуллин, Н.Б. Гаврилов, К.Т. Рафиков, Г.С. Бугаев (возможно, Бугачев), А.М. Миляев) [2]. Примечательно, что в опубликованных делегатских списках 5-го съезда последние два представителя левых эсеров не были упомянуты [3]. Высокий уровень влияния левых эсеров в уезде характеризовал и партийный состав исполкома советов, в котором в июле 1918 г. было 35 членов ПЛСР, 9 большевиков и 1 беспартийный.

Серьезной опорой левых эсеров в уезде стала Сарсазгорская боевая эсеровская организация, возникшая еще до революции, присоединившаяся к ним и руководимая Ф.Ф. Митюшкиным, а А.В. Митюшкин возглавлял в ней группу террористов. Представители Уфимского губкома ПЛСР нередко участвовали в уездных мероприятиях, также оказывая поддержку местным левым эсерам. Так, в начале мая 1918 г. на митинге представителей боевых дружин М.Г. Витришак выступала с группой левых эсеров, бывших непримиримыми соперниками большевиков и требующих принятия против них самых решительных мер [4]. После ее назначения заведующей организационным подотделом при президиуме БОНВ 10 июня 1918 г. она обратилась от горкома ПЛСР Уфы в губисполком советов с предложением объявить во всех исполкомах по губернии о праве организаций левых эсеров идти на формирование боевых дружин и их беспрепятственное передвижение в Уфу по вызову горкома партии. Агитируя за создание боевых дружин на добровольной основе, левые эсеры на митинге разъясняли, что регулярная армия лишь укрепит большевистскую диктатуру, став ее орудием и не давая предъявить к большевикам какие-либо требования со стороны других партий, в том числе ПЛСР.

Во время выступления ЦК левых эсеров в июле 1918 г. в Москве Н.Б. Гаврилов был арестован в составе фракции Всероссийского съезда советов. При делении арестованных делегатов ПЛСР на группы он оказался в первой

категории, состоявшей из 12 человек (вместе с М.А. Спиридоновой, А.А. Измайлович и др.), с которыми позднее его перевезли в Кремль. Гаврилов был помещен в одну из «камер» под Красным крыльцом вместе с Я.С. Базарным и Хаскиным. Вместе с другими левыми эсерами его освободили 11 июля. Вернувшись в Мензелинск, Гаврилов принял участие в работе 4-го уездного съезда советов 26 июля 1918 г. вместе с членом губкома ПЛСР А.Ф. Бурдиным-Ковалем, который выступил с приветствием от ВЦИК и призвал серьезно отнестись к вопросу о текущем политическом моменте, объединив усилия на платформе защиты советской власти. Бурдин-Коваль поддержал приветствие Н.Б. Гаврилова от имени бывших заключенных на 5-м съезде советов левых эсеров, подчеркнувшего, что главной задачей фракции являлась защита интересов трудящегося крестьянства.

Рост гонений на членов ПЛСР после июльского выступления со стороны большевиков вынудил левых эсеров Мензелинска осенью 1918 г. подделывать документы делегата 6-го Всероссийского съезда советов на имя Гаврилова, чтобы командировать его в Москву (вместо В.М. Кальницкого), куда он поехал вместе с женой. Но в Москве его выдал третий делегат из Мензелинска большевик С. Хуснутдинов [5]. После этого Гавриловы были арестованы и доставлены в Мензелинскую ВЧК. Пытаясь препятствовать работе нового исполкома после очередного уездного съезда, левые эсеры, зная некомпетентность вновь избранных, саботировали сдачу им дел и материальных ценностей. Мензелинский уездный исполком 3 марта 1919 г. постановил не допускать левых эсеров к ответственной работе в отделах и предложил ЧК забрать у них оружие. В составе исполкома из левых эсеров остался только комиссар юстиции С. Герасимов, который с этого момента был под наблюдением председателя уездной ЧК М.С. Головина [6]. Поскольку на съездах советов членов ПЛСР стали лишать права решающего голоса и возможности выступать, левые эсеры Мензелинского уезда, сохраняя прежние взгляды, вошли в состав ПРК, чтобы легально продолжать работу. Возможно, этому способствовало членство в составе ЦК ПРК с сентября 1918 г. бывших лидеров Уфимского левозсеровского губкома Г.Н. Максимова, Е.Н. Семеновской [7].

Мензелинская организация ПРК также со времени возникновения подвергалась постоянным репрессиям. Обвиняя ее в контрреволюционности, до ноября 1919 г. большевики всячески препятствовали ее политической активности. Несмотря на это, ее представители пытались продолжать свою работу. Так, А.В. Митюшкин был делегирован Мензелинской организацией ПРК на партийную губернскую конференцию в Казани (10.10.1919 г.), областной Поволжский съезд ПРК в Саратове (14.10.1919 г.), 4-й общепартийный съезд в Москве (20.10.1919 г.). На губернском съезде бывший председатель местной организации РКП (б) заявил о том, что «не успели очистить уезд от белых банд, как снова появилась контрреволюционная организация революционных коммунистов» [8]. По распоряжению Ревкома 13 ноября 1919 г. по подозрению в подготовке восстания среди мобилизованных на партийном собрании были арестованы все присутствующие во главе с А.В. Митюшкиным и направлены в ЧК, а оттуда под конвоем в 2 часа ночи доставлены в дом принудительных работ. После двухнедельного ареста членов комитета пяти и трехдневного ареста остальных членов партии все были освобождены без каких-либо объяснений [9]. Считая, что члены Мензелинской организации революционных коммунистов только прикрываются флагом этой партии, а персонально состоят из бывших левых

эсеров, 8 декабря 1919 г. большевики постановили закрыть их организацию, запретив ее членам всякую агитационную работу.

В момент отправки делегатов на 5 Всероссийский съезд ПРК 28 февраля 1920 г. Мензелинск был объявлен на осадном положении, так как крестьяне нескольких волостей уезда подняли восстание против продотрядов и большевиков, не желавших ограничить их произвол. Восстания члены ПРК не оправдывали, но и не обвиняли в целом крестьян, желая ликвидировать его последствия с наименьшими жертвами. Поэтому они считали необходимым срочно связаться с центром и для контроля ситуации прислать комиссию из представителей ПРК или ВЦИК для выяснения всех нарушений, творимых ЧК и большевиками. Опасаясь, что о серьезных нарушениях в работе местных большевиков станет известно в Москве, они через Ревком вынесли постановление о нежелательности местной организации ПРК, не пустив ее представителей на Всероссийский партсъезд. Пытаясь выбраться из города без пропусков, А.В. Митюшкин был арестован на 7 дней, затем приговорен к 6 месяцам тюрьмы до выяснения политической благонадежности. Там же оказался Гаврилов, арестованный за неправильное получение пропуска, а также А. Хамидуллин и Ф.П. Крючков. На месяц были посажены в тюрьму Базин, Новиков и Будрин, арестованные по доносу большевиков. На свободе остался С.П. Герасимов, ослабленный после перенесенного заболевания брюшным тифом, и А.М. Михайлова, работавшая медсестрой в корпусе больных сыпняком.

Вступивший наряду с другими местными левыми эсерами в ПРК, Гаврилов 6 марта 1920 г. подал заявление о выходе из партии, мотивируя свой поступок необходимостью срочного выезда в Москву для того, чтобы повлиять на освобождение из тюрьмы лидера местной организации революционных коммунистов А.В. Митюшкина. Он подчеркнул, что не изменил народнической идеологии, которой был верен в течение 20 лет и просил рассматривать свое заявление как выход из Мензелинской организации при создавшихся условиях, а не из партии вообще [10]. Характерно, что он значился как активный партийный работник Казани в адресном списке, изъятном у секретаря оргбюро левых эсеров группы И.З. Штейнберга в марте 1920 г. [11] Во время ареста А.В. Митюшкина и других членов ПРК, отдельные большевики настаивали на их расстреле. По словам Митюшкина, в случае эвакуации их обязательно бы расстреляли, так как были срочно удалены конвоиры-красноармейцы, им сочувствующие. Митюшкин обратился 13 марта 1920 г. к А.М. Устинову с письмом, в котором, в частности, обвинил его в нежелании защитить свои организации на местах, отданные на растерзание большевикам, и выразил надежду, что он примет меры к их освобождению и вызовет в Москву [12]. Указывая причины нежелания большевиков с ними работать, Митюшкин подчеркнул, что членов ПРК хорошо знают массы и достаточно одному из них выступить на съезде советов, чтобы представителей РКП (б) перестали поддерживать.

Таким образом, опыт оппозиционной деятельности левых эсеров Мензелинского уезда показывает, что после июля 1918 г. в условиях роста преследований со стороны большевиков и отсутствии эффективной поддержки из центра, они вынуждены были сначала перейти в состав ПРК для продолжения легальной работы, а в итоге их политическая активность была прекращена. Председатель Уфимского губкома ПРК В.И. Егошин, требуя отозвать его в Москву, 15 апреля 1920 г. сообщал, что работа в регионе не ведется, контакта благодаря действиям губкома большевиков нет

[13]. На заседании губкома ПРК 4 августа 1920 г. было решено просить ЦК партии оставить Егошина работать в Уфе до 6-го партсъезда и принять меры к отзыву Лежнина или переброске из Мензелинска А.В. Митюшкина [14]. Митюшкин считал, что ситуацию можно было изменить, если бы большевики разрешили своим оппонентам выступления на съездах. Однако этому препятствовали местные большевики, не желая уступать первенство. Дальнейшая судьба мензелинских левых эсеров, скорее всего, была аналогична участи их лидера Н.Б. Гаврилова. Оказавшись в Шадринске, в начале 1930-х годов он примыкал к группе ссыльных левых эсеров во главе с В.Е. Трутовским. В дальнейшем Гаврилов был отправлен в ссылку в Ханты-Мансийск, где работал агрономом в леспромхозе. 26 мая 1937 г. его арестовали как бывшего левого эсера и осудили «тройкой» Омского УНКВД. 10 августа 1937 г. Гаврилов был расстрелян в Тюмени. Его реабилитировали лишь 30 апреля 1960 г. [15]

Примечания:

1. Белокопытов В. и др. Мензелинская быль. Казань, 1970. С.51, 53, 64, 105–106.
2. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.–Л., 1928, с.126–143; Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. М., 1918, с.239, 243–246.
3. ГАРФ, ф. 1235, оп.4, д.40, л.174; д. 44, л.137.
4. См.: Федоров А.Ф. Октябрьские зори. Военные мемуары. - М. Воениздат, 1962, с.109–112.
5. См.: Белокопытов В. и др. Мензелинская быль. Казань, 1970.С.51, 53, 64, 105–106.
6. См.: Белокопытов В. Мензелинская быль. Казань, 1970.С.105–106.
7. См.: Партия революционного коммунизма. I съезд. Сб. докладов и резолюций. С.62.
8. РГАСПИ, ф.282, оп.1, д.59, л. 15–17 об.
9. РГАСПИ, ф. 282, оп.1, д.59, л. 15–17 об.
10. РГАСПИ, ф. 282, оп.1, д.9, л. 2–5 об.
11. ЦА ФСБ, д.р-21016.
12. РГАСПИ, ф. 282, оп.1, д.59, л. 15–17 об.
13. РГАСПИ, ф.282, оп.1, д.58, л.30.
14. РГАСПИ, ф.282, оп.1, д.58, л.44.
15. Книга расстрелянных. Мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора. Тюмень, 1999, Т. II.С.81.

И.А. Лудинин,
Екатеринбург

К ВОПРОСУ О ВОСПИТАНИИ ПАТРИОТИЗМА НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ И ВУЗАХ

Накануне юбилея Великой Победы необходимо взглянуть, как отражаются события тех трудных и знаменательных дней на уроках и занятиях, в частности, на занятиях по иностранному языку.

Многие из тех, кто учился в средней школе в 80-е и начале 90-х гг. прошлого века, а также те, кто преподавал английский язык в то время, помнят учебники Старкова. Они часто подвергались критике, и вполне обоснованной. Это объясняется тем, что учебники должны были научить школьника того времени читать и переводить со словарем. Тем не менее, эти же учебники обладали несомненным достоинством. В них, особенно в изданиях для старших классов, всегда были материалы, посвященные дню Победы. В них размещались в основном тексты, но были и иллюстрации и упражнения, посвященные этому великому празднику.

С тех пор многое изменилось. На наш рынок образования пришли новые учебно-методические комплексы по иностранному языку. Современные отечественные учебники, к сожалению, довольно часто не выдерживают никакой критики. Причин для этого много, но будем подробно на них останавливаться в рамках этой статьи.